

[ПАМЯТИ ПОЭТА]

Александр КАЗИНЦЕВ

(1953-2020)

Андрей ШАЦКОВ

ГЛАС ПРОЩАНИЯ

Мемориум: 15 декабря 2020 года. 9 дней со дня кончины Александра Казинцева

Печататься в центральной прессе я начал поздно. А что поделать, если всю жизнь были Пстройки, комсомольские да ещё ударные. Следовательно, ни свободного времени бегать по редакциям, ни соответствующих литературных связей не было. Во второй половине 90-х годов прошлого века (!), имея четыре изданных сборника стихов, я оставался, по существу, мало кому известным и практически «никуда не вхожим», а главное – не знающим «куда входить» поэтом. Но после вступления в Союз писателей России и знакомства с замечательным поэтом Владимиром Фирсовым ситуация резко изменилась.

Однажды он привёл меня в журнал – «Наш современник», при одном упоминании о котором я в ту пору то краснел, то бледнел от непозволительной робости. Нахохленный главный редактор издания – Станислав Юрьевич Куняев, довольно едко спросил моего старшего товарища: «Что, Володя, очередного своего ученика пристраивать привёл?», на что темпераментный Фирсов аж привскочил: «Это мой друг, и учить мне его нечему...» После этого две литературных «глыбы» остались что-то обсудить, разбросав по столу листы моей рукописи, а я выскочил в небольшую приёмную, где столкнулся с бородатым, румянолицым и внимательноглазым ровесником, который негромко спросил: «Стихи принесли? Ну, удачи вам!» и широко и дружелюбно улыбнулся. Нет, подумал я. Это, наверное, не Кузнецов. Тот, говорят, очень суровый товарищ...

И вправду, впоследствии оказалось, что это был Александр Казинцев, с которым мы стали верно и неуклонно сближаться, как и со всей редакцией журнала, особенно в тот момент, когда удивительная судьба вынесла меня наверх, в референты к одному из лучших министров культуры России А. С. Соколову, удивительно тонкому ценителю поэзии, с которым мы решили возродить совсем было усопший, но знаковый для страны альманах «День поэзии».

Но до этого прошло много разных литературных событий, из которых особенно ярко запомнилась поездка в Пушкинские Вязёмы, произошедшая практически сразу после моего первого посещения «Нашего современника». Боже, какие поэты посетили в тот солнечный осенний день заповедную усадьбу: Владимир Фирсов, Станислав Куняев, Юрий Кузнецов, пекинский титан – товарищ Гао Ман!.. Были интереснейшие речи о русской поэзии, было чтение стихов по кругу, на котором я впервые публично прочитал свой «Плач по российским поэтам» – стихотворение, ставшее впоследствии хрестоматийным, как некий алго-

ритм судеб отечественных поэтов. Мэтры негромко поаплодировали, лишь Казинцев стоял, засунув руки в карманы выдавшего виды пыльника как-то пылливо глядя на меня, чуть склонив голову набок и как бы вопрошая: «Ну, и откуда ты такой взялся?»

Что я знал про Казинцева: философ, мыслитель, добрейшей души человек с большим русским сердцем. А далее, согласно всё знающей Википедии: «...С 1981 года после знакомства с Вадимом Кожиновым стал сотрудником журнала «Наш современник... Автор шести книг и около 200 публикаций в журналах... Секретарь правления Союза писателей России. Лауреат литературных премий...» и прочая и прочая. Подаренную лично им книгу «Возвращение масс» (М., 2010) я одолел, хотя и не сразу, гордясь, что у меня есть такие высокоинтеллектуальные знакомые.

Но главное я узнал в 2013 году, когда Саша, не имеющий ни одной поэтической книги, признался мне в своей любви к стихам, а также, что он дважды печатался в «старых» альманахах «День поэзии» и поэтому предложил свою помощь по редактированию сборника, после чего сразу же коллегиально был включён в состав редколлегии. А в 2014 году в «Дне поэзии» вышла его подборка со знаменитым «Сказанием о Коловрате», стихотворением необычайно близким мне по духу и по содержанию. Так мы и стали поэтическими «побратимами», стараясь «держаться» наш уже 60-летний альманах на уровне, хотя бы не уступающем прежним, доперестроечным временам. Совместные поездки в Ханты-Мансийск, Воронеж, Петрозаводск, Санкт-Петербург с заветным «Днём». Сколько пожатых рук, сколько добрых глаз людей, уже начинающих забывать о настоящей поэзии!

Но главное что наша литература, и её сердце – ПОЭЗИЯ не забудут тебя, Александр Иванович!.. К сожалению, ты успел познакомиться не более чем с 20-ю подборками в нашем, общем новом «Дне поэзии», готовящемся к выпуску в 2021 году. Но мы обязательно, как всегда, вынесем твоё имя на титульный лист издания, указав его в составе редколлегии.

Этим летом мы вместе были в тютчевском Овстуге, на горькой могиле нашего общего друга – бывшего главного редактора журнала «Юности» Валерия Дударева. Кто бы мог подумать, что эта встреча станет последней!..

Прощайте, Александр Иванович!

* * *

Удивительно пахнет дождём –
воздух соткан из влаги и воли,
жадно дышишь и веришь с трудом,
что сугробы мы перебороли.

А зима бесконечной была,
опостылело это убранство –
как посмертная маска бела
затвердевшая корка пространства.

Девять месяцев – гипсовый гнёт,
воздух в струнку, деревья ни шагу,
и казалось, что кончится год
и земля под снегами умрёт,
не всосав животворную влагу.

А теперь – до ростка, до комка
глинозёма – всё дышит весною,

и течёт как ночная река
в отраженьях асфальт подо мною.

И безумный, казённый, любимый
город, вырванный из-подо льда,
и машины, летящие мимо,
одуревши, не зная куда,
в гром, в жару, где сирени в пыли, –
всё омыто прозрачной водою,
всё омыто водой молодой,
властным запахом мокрой земли.

* * *

Земля моя, моя родная,
в снегу, бетоне и стекле –
а всё-таки такая земляная,
как и положено родной земле.

Всё, что в тебя вминали сапогами,
что грейдера отвалами скребли,
открылось в нас, нет – больше – стало нами,
живую памятью земли.

Что ждало нас – бредовая наука,
ночной кошмар, облипший наяву,
полупустых аудиторий скука,
профессора со стажем ГПУ.

По вечерам неряшливость прилавка,
свет неживой струится со стены,
в мясном отделе часовая давка –
глаза опущены и скулы сведены.

А слева за окрашенной решёткой
в нетопленном отсеке угловом
теснятся мужики за водкой
и прячут шкалики за рукавом.

Где родина, где купола золотые,
концерты, выставки, разъездов кутерьма? –
Продмага три ступеньки ледяные,
над входом лампочка, на улице зима.

Так как же эта чёрная громада –
оранжевые окна в вышине –
удерживается от распада,
глядит хоккей из Ленинграда,
когда гореть пристало ей в огне?
.

Но если кровь течёт не как руда –
твердеа, каменя, пламеня –
перегнаны сквозь сердце вместе с нею,
встают в былом величье города.

Тогда над деревцами, колеями,
бетонными коробками жилья
восходят храмы, блещут куполами,
безгласными гудят колоколами,
и это память, это кровь моя!

* * *

И вечером сломалась, как алмаз,
сухой зимы ночная перспектива,
и небо в ветках снизилось на нас
и накатило линией прилива.

А синева мерцает головнёй
едва заметным красноватым жаром
так рядом – над домами, над землёй
и над грачиным от толпы бульваром.

Оттаявшая близкая звезда
глядит на землю в явном изумленье,
как будто ей мешало в холода
иголкой заострившееся зреньё.

Я проживу и вымыслом своим,
и гордым ремеслом первосозданья –
ведь миру быть положено одним,
а я свожу миры для узнаванья.

ВОТ И ВСЁ

... И шмель ещё летит к цветам,
головки их ещё пестреют.
Но дух по городским дворам
варенья яблочного реет.

Но дворники метут листву,
и я гляжу в окно сквозь дымку,
где мы с тобой, как наяву,
уходим тесно и в обнимку.

Куда? – Я точно не скажу,
да я и сам того не знаю.
Ведь осень – имя миражу,
за всем стоит печаль сквозная.

МОЕЙ ЖЕНЕ

Жена моя, ты далеко сейчас,
а я с тобой хочу поговорить.
Над пасмурной Москвою первомайской
я буду думать о тебе, пока
не распахнётся коридор воздушный
и тонкий слой дождливого пространства
не выгнется между тобой и мной,
как если бы тебя в толпе догнал я.

Но лучше я тобою полюбуюсь,
поставлю толщу воздуха в пять метров
и посмотрю, как гордо ты идёшь
через Никитскую по разноцветным плитам,
и лёгкая походка не пугает
нахохленных зубатых голубей.

Сейчас свернёшь и ступишь на ступеньку,
на миг исчезнешь в толчее у входа,
я за тобой войду в торговый зал
и посмотрю, как волосы склоняешь
и ужин наш сегодняшний в корзинку
блестящую и лёгкую кладёшь.

И так мне нравится весь этот свет убогий,
корзинка и цветные упаковки,
еда на утро и еда на ужин
и посредине ты в плаще стоишь.

...Что нам чёрнофигурная обводка
и узкое жерло – воронка страха!
Она всосала три тысячелетья,
не поперхнётся – столько же всосёт.
Пускай она стоит себе в музее
и жрёт белёсый подогретый воздух,
меж ней и нами воздуха довольно!
Но помнишь, я сказать тебе хотел,
что кто-то воздух и у нас крадёт.